

МАГНЕТИЗЕР

(отрывок из нового романа, соч. Антония Погорельского)¹

ГЛАВА 1

Пермской губернии, в городе Екатеринбурге, в одном доме — которого местоположение по известным мне причинам я означить не намерен,— ввечеру часу в восьмом, на большом четвероугольном столе, покрытом ярославскою алою с белыми узорами скатертью, дымился огромный самовар из красной меди. На самоваре стоял большой серебряный чайник старинной чеканной работы, с выгнутым круглым носиком. Подле самовара, на большом овальном жестяном подносе, на котором довольно искусно изображено было красками изгнание из рая Адама и Евы, установлено было несколько чашек белого фарфора, с нарисованными на них тюльпанами, незабудками и розами. Тут же, подле фарфорового молочника с густыми желтыми сливками, лежало ситечко из плоской серебряной проволоки. Немного подальше блестящий хрустальный графин, с лучшим ямайским ромом, стоял подле серебряного стакана, в котором вправлены были русские медали, выбитые в память различных знаменитых происшествий. Большая серебряная корзина резной работы наполнена была сухарями.

Все сии предметы освещены были двумя сальными свечами в серебряных шандалах², а самый стол, на котором все это было расставлено,

стоял перед диваном красного дерева, обтянутым черным сафьяном, в иных местах немного потертым, и обитым гвоздичками с круглыми медными головками.

На диване против самовара сидела женщина средних лет, довольно дородная. Брови у нее были черною дугою, глаза большие голубые, обыкновенно потупленные в землю, что придавало ей вид скромности. Голова ее была повязана голубым шелковым платком с бахромчатою каймою, уши украшены длинными серьгами из мелкого жемчуга. На плеча накинут был черный атласный салоп³ с воротником, обшитым широкими кружевами. Подле нее, против серебряного стакана, сидел мужчина лет пятидесяти, в кафтане из тонкого синего сукна: на груди его, из-под широко расчесанной темно-русой бороды, светлелась золотая медаль на алой ленте⁴; красный носовой платок с синими полосками и тульская серебряная табакерка с чернью лежали подле него на диване. В руках держал он тоненькую книжку в цветной обертке и, казалось, читал с большим вниманием.

Против них на стуле сидела молодая прекрасная девушка лет девятнадцати. Она одета была просто — впрочем, по новейшей моде; но в ушах ее блистали бриллианты высокой цены, лилейная шея украшалась несколькими рядами крупного,

ровного жемчугу, а длинные каштановые волосы сдерживаемы были на голове гребнем, драгоценными камнями украшенным. Все приемы и вообще наружность ее показывали тонкую образованность, приобретаемую в обществах Петербурга и Москвы. Увидев ее в настоящем положении, иной подумал бы, что она в глухой Сибирский край и в этот дом перенесена из столицы какою-нибудь волшебною силою. Она погружена была в задумчивость и не замечала нежных взглядов, бросаемых на нее от времени до времени дородною женщиною, которая, казалось, любовалась ее красотою. Внимательный наблюдатель тотчас узнал бы в этих двух особах мать и дочь.

— Полно тебе читать, Анисим Аникеевич,— сказала дородная женщина.— Уж мне, право, эти петербургские журналы!.. Как придет почта, так дня два к нему и приступу нет. Смотри, уж самовар скоро выкипит; чай настоялся, как пиво доброе, а ты и не принимался еще пить!

— Тотчас, Гавриловна! — вымолвил Анисим Аникеевич, не сводя глаз с книжки и подавая ей серебряный стакан.— Пашенька,— продолжал он,— сочкни-ка со свечки.

Молодая девушка поспешила исполнить его приказание. “Верно что-нибудь интересное, батюшка!” — сказала она.

— Да такое интересное,— отвечал с жаром Анисим Аникеевич, положив на диван раскрытую книгу, а на нее серебряную табакерку с чернью,— такое интересное, что я отроду не слыхивал, да и во сне мне не грезилось!

— Ах, мои матушки! — вскричала Степанида Гавриловна, — уж не опять ли было наводнение в Питере?

— Не наводнение, матушка, а наваждение, если это, прости господи, не враки! Дело идет о каком-то магнетизме⁵. Слыхала ли ты про него, когда была в Петербурге, Пашенька?

Пашенька вздрогнула, как будто вспомнила о чем-то страшном и отвратительном. “Слыхала, батюшка!” — сказала она вполголоса.

— Рассказывай, что такое? — вскричал Анисим Аникеевич и опять поставил на стол серебряный стакан, поднесенный уже к губам.

— Года четыре тому назад, — начала рассказывать Пашенька, — когда только что взяли меня из пансиона, я часто бывала в доме графини N***. У них была горничная девушка, которая вдруг впала в странную и необыкновенную болезнь. Звали ее Катериной. Катерина, сначала редко, потом чаще, наконец раза два или три в день получала припадки, во время которых она плакала, смеялась, говорила, бог знает что, чего после сама никак не помнила! Припадки эти оканчивались обыкновенно конвульсиями...

— А что это такое, конвульсии? — спросила Степанида Гавриловна.

— Конвульсии, — отвечал Анисим Аникеевич с приметным нетерпением, — не что иное, как кривлянья, — вот как ты кривляешься, когда страдаешь животом...

— Конвульсии не то, что кривлянье,— подхватила Паша, вступаясь за мать,— это род судорог...

— Знаю, мой друг, знаю,— прервал ее отец, качая головою.— Продолжай, Пашенька.

— Припадки Катерины обыкновенно оканчивались конвульсиями, на которые страшно было смотреть! Мне несколько раз случилось видеть эти конвульсии, и от одного воспоминания у меня на голове волосы шевелятся! Вообразите себе, батюшка, что в продолжение этих конвульсий двое мужчин не в состоянии были ее удержать; она так изгибалась, что никто не мог смотреть на нее без

10

ужаса! Иногда голова ее заворачивалась назад, так, что сходилась почти с ногами...

— Упаси господи! — вскричала Гавриловна.— Пашенька! да она верно была беснующаяся?

— И в Петербурге многие так⁶ полагали,— сказала Паша.

— Вот видишь, Анисим!—опять вскричала Гавриловна,— стало быть, я еще не совсем пошлая дура! И в Петербурге верят беснующимся...

— Ах, матушка! кто говорит, что ты дура? — сказал с досадою Аникеевич.— Я знаю, что ты умна, чересчур умна! (Надоела, как горькая редька,— проворчал он себе под нос). Продолжай, Пашенька!

(Окончание в следующем №).